

КЛАССИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ГРАММАТИКА КАК КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.С. ПУШКИНА

В статье делается попытка обоснования влияния латинского языка, его грамматической структуры и античной фразеологии на языковую репрезентацию личности А.С. Пушкина. Анализ стихотворений разных лет и текста романа в стихах «Евгений Онегин» позволяет выявить следующие формы аллюзивно-интертекстуального бытования латыни в поэтическом пространстве А.С. Пушкина: прямое цитирование афоризмов и устойчивых языковых оборотов на латыни, своеобразное калькирование – точный либо относительно вольный их перевод, а также создание уникальных художественных образов с использованием устойчивых грамматических формул латыни. Выявление «античного компонента» в структуре языковой личности А.С. Пушкина позволяет лингвистически обосновать «художественный интернационализм» (Н.Н. Скатов), или «вселенскую отзывчивость» (Ф.М. Достоевский) мироощущения и творчества русского гения.

Ключевые слова: Пушкин, языковая личность, латынь, грамматика, античная фразеология, цитата, калькирование.

«До сих пор всякий, желающий говорить о Пушкине, должен, нам кажется, начать с извинения перед читателями, что он берется в том или другом отношении измерять эту неисчерпаемую глубину» [8, с. 142], – так Н.Н. Страхов словно обозначил этический кодекс исследователя, рискующего проводить собственные наблюдения и делать самостоятельные выводы касательно творчества, а значит, личности русского национального поэта. Цитированием этого же принципа начинает рассуждения о жизни и творчестве *русского гения* Н.Н. Скатов [7, с. 3]. Тем более это замечание существенно для современного ученого при попытке исследования такой формы репрезентации личности, которая ранее не привлекала внимание филологов.

Так, классическое образование Александра Сергеевича Пушкина – общее место его биографии, гуманитарно-общественная направленность дисциплин и принципов обучения в Лицее – общеизвестные факты, латинский язык как предмет публичного испытания «воспитанников первого приема по случаю перевода их из младшего в старший возраст» [6] – частный эпизод отрочества будущего светоча национальной культуры, поскольку, изучая в Лицее произведения Овидия, Горация, Цицерона, Апулея, Сенеки, Ювенала, Вергилия, Тибулла, Катуллы, Пушкин «приобщался к антологической поэзии, учился экономии поэтических средств при глубине поэтического содержания» [5]. При этом самым важным оказывается то, что «в Лицее античность... не была только “классом”, уроком и заданием, она входила в обиход, принятую и повседневную систему образов и связанного с ними мышления, оказывалась необходимым элементом и частью личности» [7, с. 56].

Так и в произведениях А.С. Пушкина античная культура и латинский язык (во всем объеме его семантики и грамматики) проявляются разными гранями. Внешние отношения Пушкина с латинским языком и латинской культурой состоят в прямой

эксплуатации мифологических образов, в пересказе историко-героических анекдотов, в цитировании философов и в употреблении расхожих фразем, в имитации и стилизации [2; 4; 5 и др.].

«Латынь из моды вышла ныне...» – с легкой небрежностью и достаточной долей иронии по отношению к образованию Евгения Онегина (да и к своему, поскольку *Мы все учились понемногу*) произносит повествователь, отмечая, что владение классическим языком светским франтом ограничивалось тем, чтоб «эпиграфы разбирать, потолковать о Ювенале, в конце письма поставить vale». И словно в подтверждение сказанного далее по тексту появляются соответствующие «маркеры»:

– эпиграф ко второй главе: *O rus!* (Нор.), который многократно комментировался исследователями [2; 4 и др.];

– замечание Онегина об Ольге – брошенное вскользь: *Предмет и мыслей, и пера, И слез, и рифм et setera?..* в начале третьей главы;

– *Sed alia tempora!* (*Но времена иные!*) в шестой главе – в рассуждениях автора о Зарецком.

И кажется, что латынь и, как следствие, латинская грамматика мало влияют на язык и стиль Пушкина. Поверхностные наблюдения позволяют заметить, что цитаты и словесные «вкрапления» на французском (что естественно для языковой среды начала XIX века), а также на итальянском и на английском языках представлены значительно шире в тексте романа. Даже В.В. Виноградов отмечает, что Пушкин «произвел новый оригинальный синтез тех разных социально-языковых стихий, из которых исторически складывается система русской литературной речи. Это были: 1) церковнославянизмы...; 2) европеизмы (преимущественно во французском обличье) и 3) элементы живой русской национально-бытовой речи...» [3], при этом не обнаруживая подлинного масштаба влияния латыни на фактуру романа. Хотя именно В.В. Виноградову принадлежит наблюдение, позволяющее

истолковать природу латинского влияния на язык и стиль поэта: «Национализируя западноевропейские формы выражения, темы, сюжеты, обогащая русский литературный язык новыми понятиями, созданными европейской культурой, Пушкин нередко чертит новые стилистические узоры по старой канве» [3]. И это оказывается более чем верно в отношении латинских реалий, включенных в пушкинский текст и получивших специфическое образное воплощение.

Так, спектр традиционных, почти расхожих для языка образованного дворянства начала XIX века выражений (о чем говорилось выше) расширяется при прямом переводе и использовании их в качестве вводных, попутных замечаний, касающихся способа выражения мыслей или отражающих модальные авторские оценки передаваемого факта:

Хоть он людей, конечно, знал,
И вообще их презирал, –
Но (*правил нет без исключений*)
Иных он очень отличал
И вчуже чувство уважал.

Сказанное в скобках – часть латинского выражения: *Nulla regula sine exceptione, sed exception non imperdit regulam* (*Нет правил без исключений, но исключение правилу не мешает*). При этом приведенное не полностью, выражение обретает самостоятельный смысл, акцентирующий именно значимость исключений, а не неизбежность правил, что формирует семантику индивидуальности, отдаляющую все выражение от системно-регулирующих тенденций римского общественного устройства.

Далее читаем, казалось бы, абсолютно бытовое рассуждение:

Руссо (*замечу мимоходом*)
Не мог понять, как важный Грим
Смел ногти чистить перед ним...

Нельзя не заметить, что замечание в скобках – сказанное по-русски и частотное для латинских текстов в жанре дружеского послания *Currente calamo* («беглым пером», *наскоро, наспех*). Аналогична языковая трансформация выражения *Verbis indisciplinatis* (*обычным, простым языком*) в преамбуле поэмы «Граф Нулин»:

В последних числах сентября
(*Презренной прозой говоря*)
В деревне скучно...

Существует и другая грань бытования античной культуры и латинского языка в творческом (а, следовательно, мыслительном, внутреннем) пространстве А.С. Пушкина: латынь как «элемент личности» (возвращаясь к характеристике Н.Н. Скатова).

И если принять тот факт, что «муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов... приняла их в себя как свое законное достояние и возвратила их миру в новом, преображенном виде» [1, с. 256], то ту же «формулу» можно применить и к латыни. Органичное

бытование латинских афоризмов в сознании Пушкина позволяло ему довольно своеобразно переводить их, включая в ткань повествования. При этом аспект калькирования, цитации нивелируется полностью, происходит рождение нового афоризма, который носит печать уникальности русского гения.

Проследим трансформацию некоторых латинских крылатых выражений:

Vivere est cogitare (*Жить – значит мыслить*) – довольно строгая и консервативная грамматическая формула «infinitive – infinitive», которая часто используется в качестве основы афоризмов в классических текстах, однако у Пушкина она получает принципиально новое, личностно ориентированное и эмоционально насыщенное звучание:

Кто жил и мыслил, то не может
В душе не презирать людей...

Во-первых, в данном случае форма инфинитива заменяется личным глаголом в форме прошедшего времени, которая обозначает уже имеющийся у обозначаемого лица опыт, при этом *жить* и *мыслить* становятся однородными членами, то есть обозначают два разных состояния, не равных друг другу. Для лирического героя оказывается принципиальным подход, при котором человек не просто проживает отведенный срок пребывания на земле, но и мыслит – то есть, исходя из контекста, критически оценивает действительность. Во-вторых, в сочетании с относительным местоимением «кто», выражающим обобщенное значение, данное выражение своеобразно указывает на каждого, любого человека, способного к рациональному восприятию действительности. В-третьих, с помощью условно-следственной конструкции сложноподчиненного предложения обозначается прямая зависимость того, что человек, критически осмысляющий условия реальности, не может не замечать негативных качеств простого смертного (что подчеркивается использованием экспрессивного глагола *презирать*).

Таким образом, абстрактно-отстраненный латинский принцип *Vivere est cogitare* приобретает в «пушкинской огласовке» социально-нравственное звучание, где соотношение личности, индивидуальности, наделенной уникальными способностями (*мыслить*, например) с обществом «людей», то есть обывателей, приобретает оттенок конфликта. А мотив противостояния личности и толпы, поэта и толпы – один из самых значимых для русской классической литературы.

Usus tyranus (*Обычай – деспот*) – в такой формулировке слышится литая неизбежность римских устоев, нерушимость традиций и принятых правил, что является надежным постулатом государственности и верности общественным идеалам. Однако Пушкин, сохраняя полностью внешний облик афоризма, преобразует его подтекстовую сущность, используя его при обсуждении проблематики бытового, социально-этического типа:

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай – деспот меж людей...

Способность Пушкинского поэтического гения «очеловечить» древнюю латынь, приблизить ее к гуманистическому идеалу первой четверти XIX века проявляется и в преобразении философского обобщения *Omnia vincit amor, et nos cedamus amori* (Все побеждает любовь, и мы покоряемся ей):

Любви все возрасты покорны...

Данная лирическая сентенция, эмоционально трогательная, возвышенная и одновременно близкая каждому человеку, становится абсолютно русской мыслью, вдохновившей другого великого деятеля русской культуры на одну из самых пронзительных арий в мировой музыкальной культуре.

Другие высказывания, не проявляясь в своем естественном обличье в тексте романа, становились своего рода поводом для рефлексии автора. Концентрированное по смысловому наполнению выражение *Inter pares amicitia* (дружба между равными), которое может быть истолковано и прокомментировано по-разному, получает в осмыслении автора-героя следующую репрезентацию:

Но дружбы той и нет меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.

А дальнейшее развитие этой мысли:

Мы все глядим в Наполеоны
Двуногих тварей миллионы –
Для нас орудие одно... –

стало, как известно, основой для целостной философской концепции другого значимого персонажа русской классической литературы, на четверть века позже испытывавшего духовные терзания самоопределения и осмысления логики бытия человечества и существования общества (см. роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»). На наш взгляд, это подтверждает неизбывную концептуальную связь значимых координат культуры.

Естественность бытования латинского языка в сознании А.С. Пушкина, подкрепленная идейно-нравственной проблематикой, пафосом просветительства и общественного развития (что было нерушимо связано в сознании лицеистов с античностью), приводит к тому, что сам грамматический строй латинского языка воспринимается поэтом как определенный стилистический прием, позволяющий создавать образы определенной эмоциональной и стилистической окрашенности.

Пушкин не только своеобразно переводил фразеологизмы, если можно так выразиться, калькировал латинские выражения, которые могли обосновать какой-либо незыблемый постулат, но и использовал определенные лексико-грамматические конструкции для создания собственных образов. Так, например, латинское выражение *Amicus*

humani generis (друг рода человеческого) встречается в виде калькированного выражения в стихотворении «Деревня», которое датируется 1819 годом:

Среди цветущих нив и гор

Друг человечества невольно замечает
Везде Невежества убийственный Позор.

Образ гуманного человека, наделенного чувствительностью и состраданием, строится по аналогии с латинским словосочетанием и представляет из себя сочетание номинатива и непрямого определения, выраженного именем существительным. Данная грамматическая конструкция стилистически, несомненно, обладает определенной книжностью, придает представляемому образу обобщенно-пафосный характер, отражает экспрессию восприятия обозначаемого предмета/лица говорящим. Именно подобные возможности данной конструкции в сочетании с семантической коннотацией, присущей латинскому первоисточнику (*Amicus humani generis*), определяют устойчивость данной семантико-грамматической конструкции в системе языковых образов Пушкина:

... Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,...

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.

(«Евгений Онегин»)

Для образованного человека XIX века использование латинских афоризмов в речи было настолько естественным, что они фиксировались в сознании личности в качестве своеобразных языковых ресурсов и не оценивались говорящим как чужеродные вкрапления. Следовательно, их грамматическая сущность (формульная основа) автоматически включалась в спектр имеющихся грамматических образцов. В результате такого «врастания» латинских конструкций в грамматическую систему языковой личности говорящий в какой-то момент начинал строить фразы с использованием русской лексики на основе латинских структур (как видно из приведенных примеров эксплуатации *Amicus humani generis*).

При этом порой рождались неожиданные, даже провокационные вариации, хотя их истинная ценность заключается именно в том, что первоисточник (грамматический прародитель) может быть в принципе уже не опознаваем в очертаниях нового образа. Так, распространенной формулой эпистолярных латинских текстов, по своей жанровой природе близких поэтическому посланию, является следующая – «*sine + subst., sing., gen.*» (предлог *без* + существительное в форме единственного числа, родительного падежа): *Sine anno* (без года / без обозначения года / без времени), *Sine loco* (без места / без обозначения места), *Sine linea*

(без строчки, без стиха), *Sine prece, sine pretio, sine proculo* (без просьбы, без подкупа, без попойки), *Sine ira et studio* (без гнева и пристрастия). Данные выражения использовались в латинских текстах юридического характера, при этом они не только обладали книжной окраской, но и содержали определенную долю пафоса, что определялось отношением к законотворческой деятельности и делопроизводству в римском обществе. Совершенно иначе возвышенная интонация данной грамматической конструкции реализуется в пушкинском поэтическом пространстве:

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

В данном случае допустимо говорить о таком художественном приеме, который в русской литературе используется достаточно регулярно, в том числе и при эксплуатации античных образов – «сопряжение слов и выражений из различных стилистических слоев» [9, с. 126]. Однако в случае приложения обозначенного принципа к анализу поэтических произведений Пушкина более правомерно говорить о своеобразном сопряжении грамматических форм, характеризующих различные стилистические слои: в приведенном примере это трансформация юридических формул в высокопоэтический, книжный образ.

Таким образом, мы считаем возможным констатировать на основе наблюдений внутреннюю связь грамматики, характеризующей языковую личность А.С. Пушкина, с формулами классической латыни.

Это является дополнительным фактором «художественного интернационализма», «универсального всечеловеческого начала» (Н.Н. Скатов), или «вселенной отзывчивости» (Ф.М. Достоевский) мировосприятия и, следовательно, языкового отражения личности А.С. Пушкина.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7. – М., 1955.
2. *Бродский Н.Л.* Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1964.
3. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. – М., 1941 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru> (дата обращения: 14.04.2017 г.).
4. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
5. *Николаева Н.Г.* *Rex Latina Puschkiniesis* [Электронный ресурс] // А.С. Пушкин и взаимодействие национальных культур и языков. – Режим доступа: <http://old.kpfu.ru> (дата обращения: 24.06.2017 г.).
6. *Руденская М.П., Руденская С.Д.* Пушкинский лицей: очерк-путеводитель. – Л.: Лениздат, 1980. – 240 с.
7. *Скатов Н.Н.* Русский гений. – М.: Современник, 1987. – 352 с.
8. *Страхов Н.Н.* Литературная критика. – М., 1984.
9. *Федотова А.А.* Античные цитаты в повести Н.С. Лескова «Заячий ремиз» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 2. – С. 125–128.